

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ
С ДМИТРИЕМ ШОСТАКОВИЧЕМ

Какие только туристы не побывали на борту турбоэлектрохода «Балтика»!

Однажды в списках отъезжающих на «Балтике» появилась фамилия Шостаковича. Когда началась посадка пассажиров, на палубе собралось много народу. Всем хотелось «хоть одним глазком» взглянуть на знаменитого композитора.

Вот и он — одет очень просто: серый повседневный костюм, светлое кепи. Поднимался он по трапу медленно и долго, шел походкой не совсем здорового человека.

Меня предупредили, что Дмитрий Дмитриевич недавно вышел из больницы. Поэтому нужно оберегать его покой, сделать все возможное, чтобы морское путешествие оказалось ему полезным.

Билет у Дмитрия Дмитриевича был в каюту «люкс», что по левому борту. Там имелся радиоприемник, который, как выяснилось в скором времени, не очень хорошо «брал» Москву. У Дмитрия Дмитриевича с собой был транзистор — «Спидола» самого первого выпуска. В то время в Рейкьявике проходил матч на первенство мира по шахматам, а он оказался страстным бо-

блудь новое, тогда и можно поговорить, посмотреть, что получилось.

Зато удалось услышать многое об его Седьмой симфонии.

— Жил я тогда на Петроградской стороне, на Большой Пушкарской. Начал писать симфонию через несколько дней после начала войны. Работал только дома, в консерватории было не до этого.

Первого сентября 1941 года меня пригласили на радио выступить перед ленинградцами. Я говорил, что только что закончил партию вторую части нового симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, закончить третью и четвертую части, то тогда можно будет назвать это сочинение Седьмой симфонией.

Я сказал, что все мы, ленинградцы, несем каждый свою боевую вахту и жизнь любимого города протекает нормально.

Я волновался и говорил несвязно. Но был твердо убежден, что врагу никогда не удастся захватить наш родной город, что Ленинград будет вечно красоваться на берегах Невы.

Шостакович замолчал. Он пристально смотрел на серо-

— Сэр! Не можете ли вы послать вашего офицера в каюту «люкс» и оформить въезд в страну нашего пассажира? Он не совсем хорошо себя чувствует, — обратился я к старшему иммиграционнику и назвал фамилию пассажира, за кого просил.

— «Балтика» привезла Шостаковича?! — не скрывая изумления, взволнованно произнес англичанин.

Он тут же позвонил одному из своих сотрудников, и мы спустились в каюту «люкс».

Навстречу поднялся Шостакович. Тут меня удивил иммиграционник. Я знал его как суховатого, педантичного и малоразговорчивого человека. А сейчас, резко опустив голову и энергично поклонившись, он сказал:

— Прежде чем поставить штамп в ваш паспорт, господин Шостакович, разрешите от имени всех многочисленных поклонников и почитателей вашей музыки в этой стране приветствовать вас!

Я поспешил перевести слова англичанина. Композитор смущенно улыбнулся, тихо произнес «спасибо» и протянул свой паспорт. По правилам въезда в Англию каждый пассажир должен заполнить специальную полицейскую карточку белого цвета, в которой сообщаются имя, фамилия, отчество, год рождения и прочие анкетные данные. Есть и графа — «профессия».

Карточку стал заполнять сам иммиграционник, списывая данные с паспорта. В графе «профессия» он написал: композитор. Потом, задумавшись на секунду, приписал впереди слово **грейт** что означает великий.

Через полмесяца «Балтика» снова ошвартовалась у причала лондонского порта. Морской агент принес пассажирские списки. Читаем их и глазам не верим: с нами опять должен плыть Шостакович. И снова его каюта — «люкс» по левому борту.

Он прибыл на машине советского посла за час до начала посадки. Английские власти любезно разрешили нашему гостю пройти прямо на борт.

— Выездной штамп поставим позже, — сказали они. Это было, конечно, большим нарушением правил оформления выезжающих из Англии. Но ведь пассажир-то какой!

На обратном пути мы зашли в Копенгаген. На борт поднялись представители датской общественности и сообщили Шостаковичу, что Королевское музыкальное общество присудило ему премию, которую он должен получить в следующем году. И еще один приятный сюрприз ждал нашего высокого гостя: в датской столице гастролировал Святослав Рихтер. Как раз в тот вечер у него состоялся концерт.

Мы уходили в полночь. За двадцать минут до отплытия к борту подъехала машина, и из нее вышел Рихтер. Знаменитый пианист поднялся на борт и попросил провести его в каюту Шостаковича.

Буквально за минуту до поднятия трапа Рихтер сошел на берег. Хоть и короткое, но состоялось свидание двух великих музыкантов.

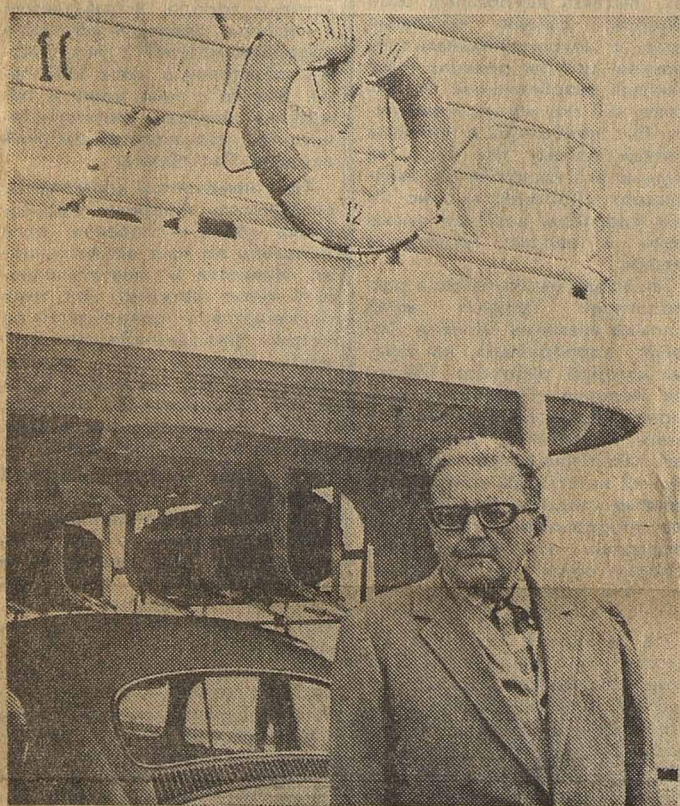
...Кажется, прошло совсем немного времени, как великий композитор совершил два рейса на нашем лайнере, и мы узнали печальную весть: Дмитрия Дмитриевича Шостаковича не стало. Его именем назван Большой зал Ленинградской филармонии, где в суровом 1942 году прозвучали звуки бессмертной симфонии.

Имя композитора присвоено строящемуся пассажирскому лайнеру на верфях Польши. И это обрадовало моряков, ведь Шостакович любил морские путешествия.

Е. КУНИЦЫН,
пассажирский помощник
капитана турбоэлектро-
хода «Балтика».

● Д. Шостакович на «Балтике».

Фото автора.

лельщиком и, как говорил, с удовольствием сам играет в шахматы, когда позволяет время. Но вот беда, не может второй день «поймать» Москву и послушать последние известия. «Как там наш? Партия отложена?» — с тревогой спрашивал композитор.

Я обратился к судовым радистам. Они были счастливы оказать услугу Шостаковичу.

Перед концом путешествия я сказал ему, что у нас на судне много почитателей и любителей его музыки. Конечно, всем хотелось бы встретиться с композитором. Дмитрий Дмитриевич грустно улыбнулся и пошевелил своей плохо слушающейся правой рукой.

— Я никудышний ротор, вот если бы рука для вас! Я бы сыграл для вас!

К своему недугу он относился как к неприятной помехе, отвлекающей от труда, упорного и ежечасного.

В один из погожих дней, когда за бортом лениво чавкали волны, ласково светило солнце и Шостакович наслаждался отдыхом, я попробовал разговаривать с ним.

Я спросил, не навеет ли морское путешествие какие-то новые музыкальные образы и мысли, которые позже воплотятся в элгию, поэму, симфонию.

На мои вопросы (сейчас мне неловко от своей бестактности) Шостакович отвечал с мягкой, доброй улыбкой, поблескивая глазами сквозь толстые стекла очков:

— Когда напишу что-ни-

вато-синие волны, губы его были плотно сжаты.

Я попросил его припомнить, как прошло самое первое исполнение нового произведения. У многих любителей музыки и почитателей таланта Шостаковича сложилось убеждение, что первое исполнение симфонии состоялось в Ленинграде.

Вот что рассказал композитор:

«Меня эвакуировали из Ленинграда в Куйбышев. В этом городе на Волге и состоялось первое исполнение Седьмой симфонии. Произшло это 5 марта 1942 года во Дворце культуры города. Перед самым концертом меня попросили подойти к микрофону и произнести несколько слов. Я волновался, сказал, что назвал симфонию «Ленинградской» и посвящаю ее всем ленинградцам и нашей победе над фашизмом.

Потом удалился в ложу, и дирижер Самосуд стал играть ее.

А в Ленинграде Седьмая симфония была исполнена 9 августа 1942 года в Большом зале филармонии. Это был подвиг музыкантов и дирижера Элиасберга.

Я послал им из Москвы телеграмму с благодарностью».

...Настало время готовиться к высадке в Лондоне. Наш лайнер ошвартовался у пассажирского причала. На борт поднялись власти.

Оформление пассажиров, как всегда, происходило в музыкальном салоне. Но вот беда, Шостаковичу трудно туда подниматься по крутому трапу.